

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Перерва Е.В., Балахтина К.А., Хегай К.М. Палеопатологические особенности населения X-XI вв. происходящего из подкурганных и грунтовых захоронений Нижнего Поволжья // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.6.72414 EDN: LQXJOY URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=72414

Палеопатологические особенности населения X-XI вв. происходящего из подкурганных и грунтовых захоронений Нижнего Поволжья

Перерва Евгений Владимирович

ORCID: 0000-0001-8285-4461

кандидат исторических наук

доцент; кафедра истории и международных отношений; Волгоградский государственный университет

400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, Университетский пр-т, 100

✉ evgeniy.pererva@volsu.ru

Балахтина Ксения Александровна

ORCID: 0009-0004-5220-7799

Младший научный сотрудник; кафедра истории и международных отношений; Волгоградский государственный университет

400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, Университетский пр-т, 100

✉ balahtina.kseniya@mail.ru

Хегай Константин Михайлович

ORCID: 0009-0000-9365-7180

Младший научный сотрудник; кафедра истории и международных отношений; Волгоградский государственный университет

400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, Университетский пр-т, 100

✉ hegaykm@gmail.com

[Статья из рубрики "Археология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.6.72414

EDN:

LQXJOY

Дата направления статьи в редакцию:

20-11-2024

Дата публикации:

27-11-2024

Аннотация: В работе представлены результаты исследования палеопатологических особенностей костных останков кочевого населения X-XI вв., происходящих из подкурганных и грунтовых захоронений Нижнего Поволжья. Материалом для анализа послужили останки 22 индивидов: 2 подростков, 10 мужчин и 10 женщин. Всего серия включала 21 череп и 6 посткраниальных скелетов. Все палеопатологические материалы огузо-печенежского времени вводятся в научный оборот впервые. Сопоставление с сериями раннего и позднего средневековья осуществлялось по 23 признакам, которые выявлялись на черепной коробке и костях посткраниального скелета. Методика фиксации травматических повреждений основывалась на рекомендациях в области частной травматологии, патологии и судебной медицины. Анализ половозрастной структуры включал расчет параметров дожития, процентного соотношения полов, доли детского и старческого населения. Оценка встречаемости патологических состояний на костях скелета проводилась по стандартной программе А.П. Бужиловой. В результате проведенного исследования было установлено полное отсутствие детей в огузских погребениях при паритетном соотношении полов. Зубочелюстная система характеризовалась отсутствием кариеса и низкой частотой абсцессов и сколов эмали. Общий травматизм взрослого населения составил 27,3%. На костных останках были зафиксированы маркеры эпизодического стресса, следы воспалительных процессов, признаки эндокринных нарушений и преждевременной изношенности скелета. Статистические различия в серии между полами наблюдались только по показателю воздействия холодового стресса. Выявленные палеопатологические и демографические особенности населения X-XI вв. Нижнего Поволжья позволяют характеризовать огузов как кочевой народ, активно вовлеченный в военно-политические процессы, протекавшие на территории евразийской степи. Патологии зубочелюстной системы свидетельствуют о преобладании мясомолочной диеты с периодами длительного голода. Специфика строения затылочной кости указывает на то, что в среде огузского населения практиковался обычай укладывать младенца в колыбель типа «бешик».

Ключевые слова:

Огузы, кочевники, эпоха раннего средневековья, нижневолжский регион, патологии, диета, деформация черепа, травма, маркеры стресса, половозрастная структура

Работа выполнена за счет средств гранта Российского научного фонда № 24-28-00772 «Исследование антропологии полигетнических социумов Нижнего Поволжья в эпоху средневековья». The work was supported by Russian Science Foundation grant No. 24-28-00772, «Anthropological Study of Polyethnic Medieval Societies in the Lower Volga Region».

Проблемы происхождения и истории кочевых народов эпохи раннего средневековья давно привлекают внимание исследователей. Тем не менее, антропологическая специфика населения огузского времени X-XII вв. Нижнего Поволжья изучена сравнительно слабо. Первые описания морфологических особенностей кочевников восточноевропейских степей V-XII вв. приводятся в работе Г.Ф. Дебеца. Автором были

проанализированы костные останки из захоронений VII-VIII вв., полученные в результате раскопок П.С. Рыкова недалеко от села Зиновьевка [\[12, с. 268\]](#).

Антропологические материалы кочевников огузов или «гuzzов», как их называет Ахмед ибн-Фадлан [\[18, с. 125\]](#), впервые были изучены В.В. Гинзбургом. Исследователь проанализировал краинологическую серию из 9 черепов X-XII вв. из Калиновского могильника. Общий антропологический тип населения ученый охарактеризовал различными вариантами европеоидной расы. Среди них В.В. Гинзбург выделил два типа: долихо-мезокранный и брахицранный. Первый вариант, по его мнению, близок населению позднесарматского времени из курганных могильников Волго-Донского междуречья и Северного Кавказа [\[10, с. 576\]](#). Второй тип – андроновский, как предполагает автор, возник на местной основе. Аналогии этому морфологическому комплексу В.В. Гинзбург находит у населения, погребенного в курганном могильнике Белой Вежи [\[10, с. 582\]](#).

Два черепа из курганного могильника Быково I, один мужской и один женский, датирующиеся X-XI вв., были описаны Н.М. Глазковой и В.П. Чтецовым. По мнению авторов, изученные краинумы характеризуются типом брахицранных европеоидов [\[11, с. 291-292\]](#).

Л.Г. Вуич были проанализированы палеоантропологические материалы из курганного кочевнического могильника близ города Саркела-Белая Вежа, который М.И. Артамонов датировал IX-XI вв. Автор указывает, что население, погребенное в данном курганном могильнике, не представляло собой однородную в расовом отношении группу [\[9, с. 445\]](#). На мужских и женских черепах были выявлены различные расовые комплексы. А именно: европеоидный краинотип Среднеазиатского междуречья, а также монголоидный южносибирский комплекс. Некоторые черепа, по мнению исследователя, обладали смешанным расовым морфокомплексом [\[9, с. 428\]](#). Как указывает Л.Г. Вуич, происхождение населения южнорусских степей и распространение среди его групп разнообразных антропологических типов может быть объяснено процессами ассимиляции тюркскими кочевниками местного автохтонного населения. Также исследователь отмечала, что часть кочевников являются потомками населявших Среднюю Азию усуней [\[9, с. 444\]](#).

Несмотря на то, что работа Л.Г. Вуич посвящена проблемам происхождения и специфики расового состава населения, оставившего курганный могильник Саркела-Белая Вежа, в результате исследования костных материалов ученым были сделаны важные наблюдения биоархеологического характера, которые позволяют установить некоторые особенности образа жизни огузов. Прежде всего, это указание на незначительное количество женщин в погребениях, полное отсутствие в захоронениях детей и малое количество старых индивидов. Также исследователем были выявлены травмы на черепах, которые, вероятнее всего, были нанесены острым оружием и имели насилиственное происхождение [\[9, с. 420, 444\]](#).

Аналогичные выводы о наличии смешанного расового комплекса на черепах X-XII вв. были сделаны Б.В. Фирштейн, которая изучила 9 черепов из заволжских курганных могильников Новоникольское I и Верхне Погромное I. Краинологический анализ позволил автору выделить в составе населения европеоидные брахицранные типы, андроновский и Среднеазиатского междуречья, которые ранее были обнаружены В.В. Гинзбургом на материалах Калиновского могильника, а также монголоидный узколицый

тип. По мнению Б.В. Фирштейн, кочевнические группы, пришедшие на территорию волгоградского Заволжья, представляли собой частично смешанное по расовому типу население [31, с. 192].

Из современных исследований следует выделить работы М.А. Балабановой. Так, совместно с волгоградскими археологами ею были изучены два мужских черепа из огузских погребений из заволжского курганного могильника Колобовка III. На них ученым был выявлен брахицраных европеоидный краинологический комплекс с незначительной монголоидной примесью. Следует отметить, что на детском черепе и на мозговой капсуле молодой женщины М.А. Балабановой были зафиксированы следы непреднамеренной искусственной деформации бешикового типа, что ранее исследователями никогда не определялось [19, с. 247-248].

Позднее М.А. Балабановой была изучена сводная серия из 55 черепов, включающая в себя материалы из кочевнического могильника Саркела-Белой Вежи и курганных могильников Волгоградской области: Калиновского, Верхне Погромное, Никольского, Рубежного, Вертячего, Киликовка, Колобовка III и IV, Старица, Новый Рогачик и др. В результате проведения внутригруппового и межгруппового анализа, исследователь пришла к выводу о тюркском происхождении огузо-печенежского населения, оставившего погребальные комплексы на территории степной зоны Восточной Европы. М.А. Балабановой в изученной группе были выделены два расовых компонента. Первый – европеоидный с мезокранной черепной коробкой определенный как тип среднеазиатского междуречья. Второй – монголоидный, представленный центрально азиатским и южносибирским вариантами. Однако большая часть черепов огузов, по мнению исследователя, характеризуются смешанными монголоидно-европеоидными чертами [3, с. 28-29].

Завершая обзор антропологических исследований кочевников X-XII вв., следует сказать, что практически все рассмотренные выше работы посвящены изучению морфологического облика населения и его этнического состава. В этих трудах авторы пытались осветить проблемы происхождения кочевых групп, занявших восточно-европейские степи в огузо-печенежское время.

Тем не менее, наряду с исследованиями антропологического облика огузов в отечественной антропологии имеются и работы, посвященные изучению патологических состояний у кочевников эпохи раннего средневековья. Так, М.А. Финкельштейн обследовала 12 скелетов X-XII вв., происходящих из курганных могильников Новоникольское I и Верхне Погромное I. При изучении материалов из этих памятников автором были описаны случаи искривления длинных костей скелета, которые, вероятнее всего, были связаны с поздним рахитом. У одного индивида М.А. Финкельштейн выявила следы сифилиса на черепе и на костях посткраниального скелета. На останках трех человек исследователем обнаружены признаки травм.

Зафиксированы автором и зубочелюстные патологии в виде одонтогенного остеомиелита. Особое внимание М.А. Финкельштейн обратила на случаи деформирующего артроза у четырех индивидов и индивидуальные особенности развития мышечного рельефа на костях кочевников. Высокая частота встречаемости обызвествлений на бедренных и большеберцовых костях, а также дегенеративных изменений суставов автором объясняются большой нагрузкой и даже перегрузкой опорно-двигательного аппарата [30, с. 206-207].

В данном ключе следует отметить и монументальные труды Д.Г. Рохлина, в которых была описана многочисленная серия, состоящая из 350 скелетов, происходящих из христианских погребений города Саркела-Белая Вежа (Х-XII вв.). На материалах этой серии были зафиксированы высокие частоты встречаемости травматических повреждений со следами заживления и без них. Д.Г. Рохлин на костных останках из Белой Вежи обнаружил большое количество случаев преждевременной изнашиваемости суставов, сифилитических поражений, одонтогенных остеомиелитов и различных заболеваний пародонта [27, с. 450-529; 28, с. 198-201].

Представленное ниже исследование посвящено палеопатологическому анализу антропологических материалов, происходящих из подкурганных и грунтовых захоронений с территории Нижнего Поволжья, датирующихся X-XI вв. и принадлежащих кочевникам огузам.

Материал и методика исследования.

Исследовались костные останки 22 индивидов огузского времени. Среди них 2 подростка, 10 мужчин и 10 женщин. В этой серии изучены 21 краинум и 6 посткраниальных скелетов в различной степени сохранности. Антропологические материалы происходят из подкурганных захоронений с территорий Волгоградской и Астраханской областей (рис. 1). В процессе работы с антропологическим материалом применялась методика фиксации палеопатологических признаков А.П. Бужиловой [7; 8], разработанная как на основании опубликованных данных с указанием степени выраженности в балльной системе, так и дополненная рекомендациями зарубежных авторов [32; 35; 33].

Определение пола проводилось на основе морфологии черепа и посткраниального скелета с использованием антропологических методик В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [1], В.П. Алексеева [2]. Определение возраста подростков происходило на основании данных о развитии зубной системы и длины диафизов длинных костей скелета [35]. Установление возраста у взрослых индивидов проводилось с учетом схемы степени срастания черепных швов, а также степени стертости зубных коронок [21; 1; 2; 32].

Результаты.

Половозрастные особенности группы. Исследуемая серия представлена останками 22 индивидов (табл. 1). В 10 случаях антропологические материалы принадлежали мужчинам, а в 10 – женщинам. В связи с этим, в серии соотношение полов паритетное. Средний возраст смерти – 33,1 года. Продолжительность жизни у мужчин и женщин практически одинаковая и укладывается в интервал 34,2-34,9 лет. Частота встречаемости в захоронениях индивидов старше 50 лет не высокая – 1,6%. (табл. 1). Дети отсутствуют. Наблюдаются два пика смертности в группе, первый приходится на возраст 25-29 лет, а второй – 35-39 лет.

Патологии зубочелюстной системы, как индикаторы питания и особенности диеты. На зубах взрослых и молодых индивидов Х-XI вв. признаков кариеса зафиксировано не было. Чаще всего в серии наблюдаются такие патологические состояния как зубной камень – 84%, дегенеративные изменения в виде артроза височно-нижнечелюстного сустава – 58%, а также заболевания пародонта – 53%. Редки абсцессы и сколы эмали на зубах. Патологическая стертость зубов и прижизненная их потеря наблюдаются у трети половозрелого населения. Только у одного индивида был зафиксирован случай

интерпроксимальных желобков на молярах, которые возникли вследствие использования твердой зубочистки (табл. 3).

Также следует указать, что статистически достоверных половых и возрастных различий во встречаемости патологических состояний на зубах у населения огузского времени не выявлено (табл. 3). Хотя в целом, можно сказать, что отклонения зубочелюстной системы несколько чаще выявляются у мужчин. Также определено пограничное значение частоты встречаемости заболеваний пародонта у индивидов в возрасте *maturus*, что в целом не противоречит современным данным [36; 37]. Этот факт указывает на то, что воспалительные процессы пародонта у огузов чаще проявляются с возрастом.

Маркеры эпизодического и специфического стресса. Как уже было указано выше, дети в серии отсутствуют. Однако на костных останках огузов зафиксированы маркеры неспецифического стресса, которые формируются в раннем возрасте. Показатели встречаемости нарушений развития эмали в серии достигают 37%, несколько чаще наблюдаясь у мужчин. Анализ возрастных распределений эмалевой гипоплазии демонстрирует то, что более 30% взрослых индивидов доживало до возраста 35-54 лет с характерным отклонением (табл. 3). Судя по срокам формирования данных индикаторов стресса, они могли возникать в возрасте от 2 до 4 лет. Вероятно, в это время у кочевников происходил переход от грудного вскармливания к постоянной пище.

Обнаружены у населения X-XI вв. и индикаторы анемий, маркеры нарушений обмена веществ и гормональных отклонений, а также следы воспалительных процессов на костях. Признаки поротического гиперостоза костей свода черепа и *cribra orbitalia* практически с одинаковой частотой фиксируются у мужчин и у женщин, не превышая уровня в 11%. Индикаторы нарушения обмена веществ обнаружены на костных останках подростка 15-17 лет из погребения 1 кургана 21 могильника Старица, у которого наряду со следами поротического гиперостоза на костях свода черепа наблюдаются и признаки разреженности костной ткани по типу порозности. Аналогичные изменения были определены и на черепе молодого индивида 14-16 лет из погребения 2 кургана 1 могильника Колобовка IV. Патологические состояния наблюдаются на переднем крае альвеолярного отростка верхнечелюстных костей, а также в области альвеол.

Признаки воспалительных процессов, так же как и маркеры нехватки микроэлементов в организме, встречаются в серии редко и только на костных останках женщин. Два случая на костях черепа и один на костях посткраниального скелета (табл. 3). Периоститы на останках огузов можно охарактеризовать как патологии костной системы, которые могли возникнуть в результате неспецифических воспалительных реакций.

Следствием присутствия стресса, связанного с заболеваниями обмена веществ и нарушениями эндокринной системы у кочевников X-XI вв., является случай внутреннего лобного гиперостоза. У мужчины 35-45 лет из погребения 4 кургана 30 могильника Старица обнаружены костные образования на внутренней поверхности лобной кости, которые достигают степени развития «В».

Частота встречаемости признаков воздействия низких температур в группе средняя – 53%. У мужчин показатели распространения васкулярной реакции достигают 88%. Это единственный признак, по которому мужчины статистически отличаются от женщин (табл. 3). Наблюдается доминирование следов васкулярной реакции у индивидов в возрасте 35-54 лет, однако достоверных различий с молодыми индивидами не прослеживается.

Травмы на костях огузов, несмотря на малочисленность выборки, встречаются достаточно часто (табл. 3). Один прижизненный дефект костей свода черепа со следами

заживления выявлен у женщины из погребения 16 кургана 10 могильника Быково. Травмы носовых костей зафиксированы у 2-х мужчин (погребение 9 кургана 16 могильника Быково и погребение 2 кургана 9 могильника Малаяевка V), а также у 2-х женщин (могильник Рахинка погребение 1 кургана 3 и могильник Новый Рогачик погребение 1 кургана 2). Предсмертный поперечный перелом нижней части диафиза правой большой берцовой кости обнаружен у женщины из погребения 18 кургана 7 могильника Старица.

К сожалению, из-за малочисленности наборов костей посткраниального скелета степень распространения заболеваний дегенеративного-дистрофического характера, а также особенности мезоморфии мышечного рельефа на длинных костях скелета оценить практически невозможно. Однако следует указать, что из 6 индивидов, доступных для исследования, у 5 были обнаружены следы деформирующих артрозов. Дегенеративные изменения суставов при этом в одинаковой степени были характерны как для молодых индивидов до 35 лет, так и для возрастных людей. Данный факт указывает на высокую степень физической активности кочевого населения X-XI вв.

Дополнительно следует отметить следы непреднамеренной искусственной деформации колыбельного (бешикового) типа на 6 черепах: 2 мужских и 4 женских с признаками незначительной асимметрии в затылочной области.

Обсуждение.

К сожалению, из-за малочисленности достоверно атрибутированных огузских погребений и незначительного количества работ по патологии населения восточноевропейских степей X-XI вв., провести сравнительный анализ серии с какими-либо синхронными группами затруднительно. Тем не менее для анализа доступны серии раннесредневекового населения предыдущих исторических периодов, а также выборка кочевников XIII-XIV вв. с территории Нижнего Поволжья, сопоставление с которыми, вероятнее всего, будет в настоящий момент наиболее уместно (табл. 4).

Оценивая специфику кочевого населения X-XI вв. нижневолжского региона, прежде всего, следует остановиться на такой важной особенности, как отсутствие в серии детей. Необходимо указать, что ранее исследователями уже отмечались аналогичные тенденции у населения огузского времени. Так, Л.Г. Вуич зафиксировала практически полное отсутствие детских костяков у населения, захороненного в курганном могильнике Саркела-Белой Вежи [\[9, с. 444\]](#).

М.А. Балабанова неоднократно указывала на занижение показателей детской смертности в группах раннего средневековья [\[4, с. 30\]](#). В работе, посвященной стратегии выживания кочевых обществ древности и средневековья, исследователем было установлено, что частота встречаемости детей в погребениях домонгольского времени не превышает 6,5% [\[5, с. 17\]](#).

Низкая представленность детей в курганных могильниках кочевников X-XI вв. не характеризует население этого времени как группу, обладающую признаками нормальной палеопопуляции, в которой процент детской смертности обычно должен составлять более 30% [\[26, с. 72; 20, с. 294; 17, с. 261; 6, с. 133\]](#). Объяснение сложившейся ситуации в кочевых группах восточноевропейских степей эпохи раннего средневековья следует искать либо в моделях избирательности при осуществлении погребального обряда, либо в использовании для отдельных категорий населения, например детей, иных форм погребения.

Показатели среднего возраста смерти близки к значениям, которые демонстрируют раннесредневековые группы и кочевники XIII-XIV вв. с территории Нижнего Поволжья. Выборка огузов отличается средними значениями данного показателя. У мужчин возраст смерти несколько ниже по сравнению с другими средневековыми группами. В то время как возраст женщин несколько выше. Вероятнее всего, эти незначительные различия вызваны не изменениями в образе жизни кочевых групп, но малочисленностью сравниваемых серий (табл. 2). В целом, ранее М.А. Балабановой отмечалось, что при анализе половозрастной структуры средневекового населения Нижнего Поволжья группы имеют близкие показатели среднего возраста дожития, находясь в пределах 32,5-37 лет [4, с. 30; 5, с. 17].

Анализ встречаемости зубочелюстных патологий показал отсутствие в серии кочевников X-XI вв. кариеса на зубах, низкие частоты абсцессов и сколов эмали. В то же время наблюдаются высокие значения зубного камня, признаков пародонтоза и дегенеративных изменений в области нижнечелюстного сустава. Выявленный комплекс патологических состояний сближает исследуемую серию с кочевыми культурами Нижнего Поволжья предыдущих хронологических периодов, как эпохи раннего средневековья, так и раннего железного и бронзового века [22; 23; 25]. Специфический набор патологий зубочелюстной системы, описанный выше, у кочевников огузского времени проявляется в связи с доминированием в диете мясных и молочных продуктов богатых белком. Данный патологический комплекс уже ранее фиксировался в группах, специализировавшихся на мясомолочной диете в эпоху бронзы на территории Поднепровья и Прикубанья [13, с. 106], у скотоводов андроновской культуры с территории юга Западной Сибири [14, с. 90-91], у скифов Аймырлыга [34, с. 141-142], у скотоводов Евразии начиная с неолита до раннего железного века [29, с. 150-151]. Выявленные особенности состояния зубочелюстной системы огузов подтверждаются и данными письменных источников, в которых описывается обычная пища кочевников-«гуззов», состоящая из молока и мяса [18, с. 129].

В то же время отметим, что по показателям встречаемости кариеса группа кочевников огузского времени существенно отличается от кочевого и оседлого населения золотоордынского времени [24, с. 218]. Вероятно, в период X-XII вв. традиции использования в пищу большого количества мучных изделий еще не проникли на территорию Нижнего Поволжья, но были впоследствии привнесены монголами в начале XIII века.

Относительно не высокие частоты встречаемости воспалительных процессов и маркеров нехватки микроэлементов в организме, вероятнее всего, являются следствием социально-политической обстановки в регионе в это время. Незначительная плотность населения в степной зоне препятствовала распространению специфических инфекций в кочевой среде. В то же время нельзя сказать, что жизнь огузов проходила в идеальных условиях, и они не подвергались воздействию стресса. Весьма примечательно, что у населения X-XI вв. с территории Нижнего Поволжья фиксируются незначительные показатели распространения инфекций. При том, что описание образа жизни Ахмедом ибн-Фадланом рисует нам достаточно плачевное состояние санитарной обстановки в кочевой среде. Так, арабский путешественник и писатель указывает, что гуззы не очищаются ни от экскрементов, ни от урины, и не омываются водой, ... особенно зимой [18, с. 126]. Однако встречаемость маркеров железодефицитной анемии, протического гиперостоза, следов воспалительных процессов, а также наличие более чем у трети

исследованных индивидов признаков эмалевой гипоплазии указывает на то, что кочевники X-XI вв. были подвержены воздействию физиологического стресса.

Так, наличие у двух подростков следов пороза костей лицевого отдела черепа наряду с поротическими состояниями может указывать на то, что для группы были характерны периоды длительного голода.

По сравнению с другими кочевыми группами эпохи средневековья серия X-XI вв. отличается заниженными показателями встречаемости признаков холодового стресса – 53%. Распределение значений по данному признаку имеет статистически значимые различия в серии между полами. Ожидаемо васкулярная реакция по типу «апельсиновой корки» встречается чаще у мужчин. Однако средние показатели распространения этого состояния в суммарной группе отражают большое количество женщин в серии, у которых маркеры холодового стресса фиксируются редко.

На фоне средневековых серий Нижнего Поволжья, группа огузского времени отличается высокими значениями суммарного травматизма. В целом, травмы у населения в это время однообразны. Это повреждения свода черепа, травмы носа и один случай перелома большеберцовой кости.

Следует отметить, что у огузов из могильников Верхне Погромное и Никольское, М.А. Финкельштейн аналогично отмечала высокие частоты встречаемости травм. Зафиксированы они и на материалах кочевнического могильника Саркела-Белой Вежи. Выявленные повреждения у кочевников Нижнего Поволжья X-XI вв. могут быть следствием напряженной социальной обстановки. Так, М.А. Балабанова половозрастную специфику у кочевого дозолотоордынского населения связывала с частыми военными столкновениями, которые происходили в это время в восточноевропейских степях [5, с. 17]. В письменных источниках у Ахмеда ибн-Фадлана и ал-Идриси огузы отмечаются как искусные лучники и всадники, которые активно принимали участие в боевых столкновениях [18, с. 130; 15, с. 222].

На то, что кочевой образ жизни оказывал серьезное влияние на физическое состояние организма населения огузского времени, косвенно указывают и высокие показатели встречаемости деформирующих артрозов. Данное наблюдение заслуживает особое внимание и по той причине, что следы специфических изменений на костях и позвоночнике были выявлены и М.А. Финкельштейн [30] и Д.Г. Рохлиным [28].

В заключение следует отметить, что из 19 исследованных черепов взрослых индивидов на 6 было зафиксировано уплощение затылочной кости. Характерные изменения черепа были обусловлены непреднамеренной искусственной деформацией затылочного (колыбельного) типа. Вероятнее всего, у огузов практиковался обычай укладывать часть детей в колыбель по типу «бешик», которая получила широкое распространение у тюркских народов [16, с. 37; 24, с. 215].

Заключение.

Выявленные особенности половозрастного состава исследуемой группы (отсутствие детей) и патологические состояния (распространение признаков воздействия низких температур, отсутствие кариеса, высокие частоты встречаемости травм и признаков преждевременной изношенности скелета) подтверждают представления персидских и арабских авторов об огузах, как о народе, который ведет кочевой образ жизни.

Для населения X-XII вв. Нижнего Поволжья была характерна специфическая диета, которая базировалась на молоке и мясе, что, вероятнее всего, препятствовало распространению кариеса, несмотря на отсутствие элементарных основ гигиены в кочевой среде.

О плохих санитарных условиях у огузов свидетельствует наличие маркеров воспалительных процессов и поротических состояний на костных останках исследуемой группы. Однако невысокая плотность населения в нижневолжских степях, вероятно, препятствовала широкому распространению инфекций у кочевников.

Для населения этого времени были характерны периоды голода, о чем могут свидетельствовать случаи пороза костной ткани у подростков и распространение такого состояния как эмалевая гипоплазия. Часть населения, в особенности мужчины, подвергалась воздействию холодовых стрессов.

Высокая частота встречаемости травматических повреждений в исследуемой серии X-XI вв. указывает на нестабильную социально-политическую обстановку в нижневолжских степях в огузо-печенежское время.

Таблица 1. Половозрастные особенности группы X-XI вв.

Огузы Нижнего Поволжья X-XI вв.				
Показатели	10♂	10♀	Пол не определен	n/
Juvenilis	-	-	2	2
Adultus I	2	1	-	3
Adultus II	4	6	-	10
Maturus I	3	3	-	6
Maturus II	1	-	-	1
Основные палеодемографические характеристики	Всего	Мужчины	Женщины	Взрослые
Реальный объем выборки (N)	22,0	10,0	10,0	21,9
Средний возраст смерти в группе (A)	33,0	34,9	34,2	33,1
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	33,1	34,9	34,2	33,1
Процент детской смертности (PCD)	0,5	-	-	-
Процент детей в интервале 0-1 от NCD (PBD)	0,0	-	-	-
Процентное соотношение полов (SR)	100,0	-	-	100,0
Процент индивидов данного пола (PSR)	-	50,0	50,0	-
Процент индивидов старше 50 лет (C50+)	1,6	3,6	0,0	1,6

Таблица 2. Основные палеодемографические показатели в сериях средневековья Нижнего Поволжья.

Показатели/дата	Суммарные серии			
	Постгунское, раннетюркское время (11 [1])	Хазарское время (21)	Огузское время (22)	Кочевники XIII-XIV вв. (81)
Средний возраст смерти в группе (A)	35,9	32,4	33	-
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	39,9	36,4	33,1	34,4
Средний возраст смерти ♂	42,2	38	34,9	37,1
Средний возраст смерти ♀	27,3	32,2	34,2	32,9
Процент детской смертности (PCD)	9,1	12,5	0,5	12,7
Соотношение ♂/♀	80-20	66,7-33,3	50-50	52,9-47,1
Индивидов старше 50+	9,7	4,5	1,6	8

[1] Количество индивидов в серии

Таблица 3. Частоты встречаемости патологических состояний у населения из подкурганных и грунтовых захоронений X-XI вв.

Патологии/пол/возраст	Vзрослые	Мужчины	Женщины	Значение точного критерия Фишера	p- критерия Фишера value
	N, %	N, %	N, %		
n	20/ 19/6	10/2	10/9/4		
Деформация черепа	6(30%)	2(20%)	4(44%)	1,31	0,25
Интерпроксимальные желобки	1(5,3%)	1(10%)	0(0%)	0,95	0,33
Кариес	0(0%)	0(0%)	0(0%)	-	-
Абсцесс	3(16%)	1(10%)	2(22%)	0,53	0,47
Зубной камень	16(84%)	9(90%)	7(78%)	0,53	0,47
Эмалевая гипоплазия	7(37%)	4(40%)	3(33%)	0,09	0,76
Потеря зуба	6(32%)	3(30%)	3(33%)	0,02	0,88
Заболевания пародонта	10(53%)	5(50%)	5(56%)	0,06	0,81
Сколы эмали	3(16%)	3(30%)	0(0%)	3,21	0,073
ДИВНС	11(58%)	6(60%)	5(56%)	0,04	0,84
ВРКЧ	10(53%)	8(80%)	2(22%)	6,34	0,012
Cribra orbitalia	2(11%)	1(10%)	1(11%)	0,01	0,94
ПГКСЧ	3(16%)	2(20%)	1(11%)	0,28	0,60

	0,10-0,0	-0,00-0,0	+0,00-0,0	-0,00	+0,00
ПКС	0(0%)	0(0%)	0(0%)	-	-
ВЛГ	1(5,3%)	1(10%)	0(0%)	0,95	0,33
Пальцевидные вдавления	8(42%)	3(30%)	5(56%)	1,27	0,26
ВПКЧ	2(11%)	0(0%)	2(22%)	2,48	0,12
Травмы костей свода черепа	1(5,3%)	0(0%)	1(11%)	1,17	0,28
Травмы лицевого отдела черепа	4(21%)	3(30%)	1(11%)	0,014	0,91
Деформирующий артроз	0(0%)	2(100%)	3(75%)	0,60	0,44
Травмы посткраниального скелета	2(33%)	0(0%)	2(50%)	1,50	0,22
ВПКПС	1(17%)	0(0%)	1(25%)	0,60	0,44
Стертость зубов	8(42%)	2 (10,5%)	5(56%)	2,57	,11

Таблица 3 (продолжение).

Патология/пол/возраст	Juvenis	Adultus	Maturus	Значение точного критерия Фишера	p- value
	N, %	N, %	N, %		
n	2/1	14/13/4	6/2		
Деформация черепа	0(0%)	4(31%)	2(33%)	0,045	0,83
Интерпроксимальные желобки	0(0%)	0(0%)	1(17%)	2,46	0,12
Кариес	0(0%)	0(0%)	0(0%)	-	-
Абсцесс	0(0%)	1(8%)	2(33%)	2,25	0,13
Зубной камень	2(100%)	11(85%)	5(83%)	0,06	0,81
Эмалевая гипоплазия	2(100%)	5(38,5%)	2(33%)	0,010	0,92
Потеря зуба	0(0%)	3(23%)	3(50%)	1,63	0,20
Заболевания пародонта	0(0%)	5(38,5%)	5(83%)	3,81	0,05
Сколы эмали	0(0%)	2(15%)	1(17%)	0,019	0,89
ДИВНС	0(0%)	6(46%)	5(83%)	2,78	0,09
ВРКЧ	0(0%)	6(46%)	4(67%)	0,95	0,33
Cribra orbitalia	(0%)	2(15%)	0(0%)	0,95	0,33
ПГКСЧ	1(50%)	2(15%)	1(17%)	0,02	0,89
ПКС	2(100%)	0(0%)	0(0%)	-	-
ВЛГ	1(50%)	0(0%)	1(17%)	2,45	0,12
Пальцевидные вдавления	1(50%)	6(46%)	2(33%)	0,16	0,69
ВПКЧ	0(0%)	1(8%)	1(17%)	0,42	0,52
Травмы костей свода черепа	0(0%)	0(0%)	1(17%)	2,46	0,12
Травмы лицевого отдела черепа	0(0%)	3(23%)	1(17%)	0,06	0,81
Деформирующий артроз	0(0%)	3(75%)	2(100%)	0,60	0,44
Травмы посткраниального скелета	0(0%)	1(25%)	1(50%)	0,37	0,54

ВПКПС	1(100%)	0(0%)	1(50%)	2,40	0,12
Стертость зубов	0(0%)	3(23%)	4(67%)	0,05	0,05

Таблица 4. Показатели встречаемости патологических состояний в сериях средневековых кочевников Нижнего Поволжья.

Признаки дата	Постгунское время V-первая пол. VII вв.	Хазарское время вторая пол. VII-IX вв.	Огузское время X-XI вв.	Кочевники XIII-XIV вв.
	N, %	N, %	N, %	N, %
n	10/5	21/19/12	20/19/6	68/24/17
Деформация черепа	4(40%)	6(32%)	6(30%)	32 (47%)
Интерпроксимальные желобки	1(10%)	1(5%)	1(5,3%)	8 (12 %)
Кариес	1(10%)	3(16%)	0(0%)	9 (13%)
Абсцесс	3(30%)	2(11%)	3(16%)	15 (22%)
Зубной камень	8(80%)	16(84%)	16(84%)	65 (96%)
Эмалевая гипоплазия	5(50%)	9(47%)	7(37%)	36 (53,8%)
Потеря зуба	4(40%)	5(26%)	6(32%)	20 (29%)
Заболевания пародонта	5(50%)	9(47%)	10(53%)	40 (59%)
Сколы эмали	2(20%)	3(16%)	3(16%)	23 (34%)
ДИВНС	9(90%)	10(53%)	11(58%)	39 (60%)
ВРКЧ	9(90%)	11(58%)	10(53%)	38 (57%)
Cribra orbitalia	2(20%)	2(11%)	2(11%)	8 (11,8%)
ПГКСЧ	1(10%)	0(0%)	3(16%)	6 (9%)
ПКЧ	0(0%)	1(5%)	0(0%)	2 (3%)
ВЛГ	1(10%)	0(0%)	1(5,3%)	1 (1%)
ВПКЧ	0 (0%)	0(0%)	2(11%)	6 (9,2%)
Пальцевидные вдавления	3(30%)	6(32%)	8(42%)	20 (29%)
Травмы костей свода черепа	1(10%)	1(5%)	1(5,3%)	1(1,5%)
Травмы лицевого отдела черепа	0(0%)	3(16%)	4(21%)	7 (10,3%)
Травмы посткран. скелета	1(20%)	0(0%)	1(17%)	2 (8,3)
Патология позвоночника (Суммарно)	-	6(50%)	-	14 (88%)
Деформирующий артроз	1(20%)	7(58%)	5(83,3%)	13 (76 %)
ВПКПС	0(0%)	1(8%)	1(17%)	2 (8 %)

Рисунок 1. Локализация археологических памятников, из которых происходят материалы, используемые в исследовании. 1. Быково; 2. Вербовский III; 3. Киляковка; 4. Колобовка IV; 5. Малеевка V; 6. Новый Рогачик; 7. Первомайский VII; 8. Солововка I; 9. Старица; 10. Рахинка; 11. Рубрежный II.

Библиография

1. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
2. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966.
3. Балабанова М.А. Кочевники огузо-печенежского времени Волго-Донского региона по данным антропологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 4. С. 20-42.
DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.2>
4. Балабанова М.А. Население восточноевропейских степей в первом тысячелетии // Природа. 2010. № 8 (1140). С. 26-33.
5. Балабанова М.А. Стратегия выживания в кочевых обществах Восточной Европы в древности и в средневековье // Экология древних и традиционных обществ. Материалы V Международной научной конференции. Тюмень: изд-во Тюменского государственного университета, 2016. С. 15-18.
6. Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: Погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015.
7. Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические исследования). М.: Изд-во ИА РАН, 1995.
8. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998. С. 87-147.

9. Вучич Л.Г. Черепа из кочевнического могильника возле Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. МИА. № 109. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 420-449.
10. Гинзбург В.В. Этнические связи древнего населения // МИА. № 60. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 524-594.
11. Глазкова Н.М., Чтецов В.П. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции // МИА. № 78. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 285-292.
12. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
13. Добровольская М.В. Население эпохи бронзы в Прикубанье: некоторые аспекты изучения антропологического источника // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Сборник статей. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2005. С. 95-112.
14. Зубова А.В. Патологии зубной системы и особенности рациона питания позднекротовского (черноозерского) населения среднего Прииртышья (эпоха бронзы Западной Сибири) // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 87-95.
15. Извлечения из «Нузхат ал-муштак фи ихтрак ал-афак» или «Китаб Роджер» ал-Идриси // Материалы по истории Туркмен и Туркмении. Том I. Арабские и персидские источники. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 220-223.
16. Касимова Р.М. О влиянии различных типов колыбели на антропологические признаки в раннем детском возрасте в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа. Баку: Элм, 1980.
17. Кислый А.Е. Методика палеодемографических расчётов и Акташский курганный могильник скифского времени в Восточном Крыму // Древности Боспора. Т. 14. М.: Изд-во ИА РАН, Триумф прнт, 2010. С. 259-275.
18. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг.: Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956.
19. Круглов Е.В., Сергацков И.В., Балабанова М.А. Новые погребения Огузов у с. Колобовка // Нижневолжский археологический вестник. 2005. Вып. 7. С. 242-256.
20. Литвинова Л.В. Демографическая структура населения скифской культуры // Вестник антропологии. 2007. Вып. 15. Ч. II. С. 292-299.
21. Пашкова В.И., Резников Б.Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978.
22. Перерва Е.В. Поздние сарматы Нижнего Поволжья (по данным палеопатологии) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск: Изд-во ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала», 2017. С. 111-122.
23. Перерва Е.В. Палеопатология населения эпохи средней бронзы (по материалам могильников Нижнего Поволжья) // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. 2019. № 1. С. 83-88.
24. Перерва Е.В. Кочевое население Нижнего Поволжья второй половины XIII-XIV в. по результатам палеопатологического исследования // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21, № 1. С. 208-243. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.11>
25. Перерва Е.В. К вопросу о палеопатологических особенностях населения V-VII вв. н.э. с территории Волго-Донских степей // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23, № 2. С. 94-111. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.2.5>
26. Романова Г.П. Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополья в эпоху ранней бронзы // Вопросы антропологии. 1989. Вып. 2. С. 67-77.
27. Рохлин Д.Г. Патологические изменения на костях людей X-XI и начала XII столетий по материалам могильника Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. МИА. № 109. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 450-

529.

28. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох нормальные и патологические изменения). М.; Л.: Наука, 1965.
29. Святко С.В. Анализ зубных патологий населения Минусинской котловины (Южная Сибирь) эпох энеолита – раннего железа: новые данные по диете // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. Вып. 2 (58). С. 143-156.
30. Финкельштейн М.А. Рентгенологические исследования палеоантропологических материалов из могильников у сел Новоникольского и Верхне Погромного // Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. С. 205-208.
31. Фирштейн Б.В. Антропологические материалы из разновременных курганных могильников Волгоградской области // Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. С. 185-204.
32. Brothwell D.R. Digging up Bones. London: Pergamon Press, 1981.
33. Buikstra J.E. Ortner's Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Leiden: Academic Press, 2019.
34. Murphy E.M., Khokhlov A.A. A bioarchaeological study of prehistoric populations from the Volga Region // A Bronze Age Landscape in the Russian steppes: the Samara Valley Project. Los Angeles: Costen Institute of Archaeology Press, 2016. Pp. 149-216.
35. Ubelaker D.H. Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago: Adline Publishing company, 1978.
36. Weiss E. Paleopathology in perspective. Bone health and disease through time. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield, 2015.
37. Whiting R., Antoine D., Hillson S. Periodontal Disease and «Oral Health» in the Past: New Insights from Ancient Sudan on a Very Modern Problem // Dental Anthropology. 2019. Vol. 32. Iss. 02. Pp. 30-50

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В последние годы в российском обществе наметился устойчивый интерес к родной истории, что нашло отражение как в публицистике, так и в научной литературе. Что самое главное, интерес к истории сегодня не связан с сенсационностью: в первую очередь, востребована серьезная, аргументированная информация. Большое внимание сегодня уделяется и кочевой культуре, традиционно значительно меньше изученной.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является антропологическая специфика населения огузского времени X-XII вв. Нижнего Поволжья. Автор ставит своими задачами проанализировать антропологических исследований кочевников X-XII вв., а также показать палеопатологический анализ антропологических материалов, происходящих из подкурганных и грунтовых захоронений с территории Нижнего Поволжья, датирующихся X-XI вв.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Кроме того, как указывает автор рецензируемой статьи,

"В процессе работы с антропологическим материалом применялась методика фиксации палеопатологических признаков А.П. Бужиловой".

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится

охарактеризовать палеопатологические особенности населения X-XI вв. происходящего из подкурганных и грунтовых захоронений Нижнего Поволжья.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 37 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что усиливает научную новизну. Из привлекаемых автором трудов укажем на работы М.А. Балабановой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения населения восточноевропейских степей, а также работы В.А. Зубовой, С.В. Святко, М.А. Филькинштейна и других специалистов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения палеонтологических материалов. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как кочевниками Восточной Европы, в целом, так и палеопатологией, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "антропологическая специфика населения огузского времени X-XII вв. Нижнего Поволжья изучена сравнительно слабо". Автор изучает антропологические материалы из подкурганных захоронений с территорий Волгоградской и Астраханской областей. В работе показано, что

"для населения X-XII вв. Нижнего Поволжья была характерна специфическая диета, которая базировалась на молоке и мясе, что, вероятнее всего, препятствовало распространению кариеса, несмотря на отсутствие элементарных основ гигиены в кочевой среде". Примечательно, что несмотря на плохие санитарные условия "невысокая плотность населения в нижневолжских степях, вероятно, препятствовала широкому распространению инфекций у кочевников".

Главным выводом статьи является то, что

"выявленные особенности половозрастного состава исследуемой группы (отсутствие детей) и патологические состояния (распространение признаков воздействия низких температур, отсутствие кариеса, высокие частоты встречаемости травм и признаков преждевременной изношенности скелета) подтверждают представления персидских и арабских авторов об огузах, как о народе, который ведет кочевой образ жизни".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снажена 4 таблицами и рисунком, вызовет читательский интерес, а её материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".